

ЕСТЬ ПОНЯТИЕ космизма как мирового явления, восходящего ещё к античной культуре. Но русский космизм своеобразен, уникален и ни на что не похож. Он заслуживает сегодня перво-степенного внимания, поскольку именно в нём содержатся многие ответы на самые страшные вызовы нашей эпохи.

Можно даже сказать, что статус родоначальников русского космизма гораздо выше, чем статус философа, писателя, прогнозиста или аналитика. Так, статус Николая Фёдорова — это статус пророка. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть его последние работы, которые можно считать завещанием мудреца. И там современный человек обнаружит, что этот мыслитель более 100 лет назад воочию предвидел, куда "катится" наш мир. Несмотря на все чрезвычайно оптимистические ожидания тогдашних позитивистов, марксистов, социологов, оккультистов и прочих. Но он не просто предвидел траекторию деградации человека при внешнем научно-техническом прогрессе, а предлагал грандиозную альтернативу, породившую русский космизм и вдохновившую множество его учеников.

Все великаны того времени признавали его: Фёдор Достоевский считал его великим, Лев Толстой почитал, Владимир Соловьёв называл своим учителем. Николай Лосский говорил, что это был праредник, неканонизированный святой. При этом многие православные его не восприняли тогда, но некоторые священники сразу распознали в нём великий сердечный разум.

Между тем Фёдоров был церковным человеком, полностью принимал ортодоксальное христианство, но при этом говорил, что оно не dokonчено, не довершено. Это и есть задача проекта общего дела, говорил он, — воплотить идеал Христа, давшего воскресительный пошви́т не столько для Себя, сколько для

сознательную творческую энергию. Тогда не придётся вести брань с помыслами, поскольку дух человека будет захвачен иной, великой задачей, великой мечтой, и в нём почти не останется места для дурных помыслов. На первый взгляд, мысль может напоминать идею сублимации Фрейда. Но только здесь перед нами не протофрейдизм, а "федоризм". Это совершенно другая, вертикальная, смысложизненная ориентация, в конечном счёте направленная на регуляцию природы и возобновление утраченной жизни. Фрейд истолковал человека как придаток необузданных колебаний тёмного хаотического океана подсознания, как существо, в неблагоприятной психической ситуации скользящее вниз, в регрессивную фазу развития природы, обратно к червям и амёбам ("достойный плод" эволюционизма, его необходимый результат!). Фёдоров видел в человеке младшего братика Божия, способного на чудотворение, на преобразование себя и мира по лекалам Христа.

В естественнонаучной ветви космизма это также было полностью принято, но пересказано на другом языке. Эта мысль была интерпретирована как негэнтропия — известный термин, обозначающий преодоление тепловой смерти, преодоление естественной склонности систем физического мира к деградации, упрощению. Дух человеческий в своей истории доказывает, что негэнтропийные процессы имеют место быть, и в этом предназначение человека. Опять же, здесь мы видим высокую энергию, высокий, можно сказать, религиозный пафос.

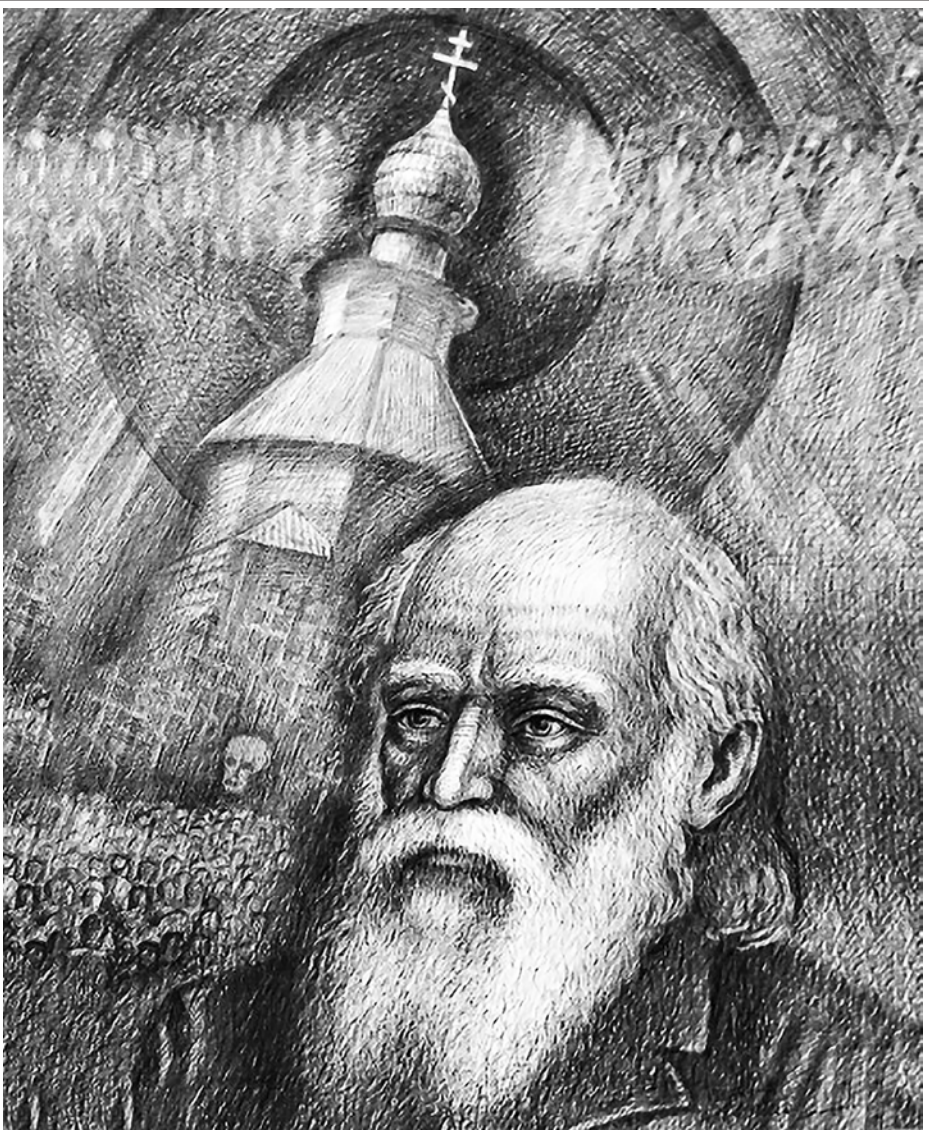
В 15 лет я впервые соприкоснулся с учением Фёдорова, когда по телевизору показывали двухсерийный фильм "Питчча о воскрешении". Знакомство с идеями Фёдорова стало потрясением для моего отроческого ума. Меня поразили его мысли о том, что человек как своеобразное существо начался с того момента, когда

есть такое определение: "Живое — это просто очень сложное неживое, а разумное — просто очень сложное неразумное".

Столь зоркое вглядывание Фёдорова в будущее позволяет говорить, что в русском космизме содержатся глубинные противоядия против самых страшных и коварных вызовов и искусов нашего времени. В работе "Русский Ковчег" (2020) мы обобщили эти вызовы в метафоре нового потопа. Что такое потоп? Это процессы деструкции, в первую очередь внутри человека, которые связаны с фундаментальной противоположностью между человеком, как он есть сейчас, как он сейчас развивается, и законами космоса.

Противоречие заключается в попытке человека построить свой автономный, замкнутый мир, свою приватную территорию, на которой он будет проживать. Земля — это такое место, которое хотят сделать предметом частной собственности для небольшой группы людей. Не все это понимают и не все осознают, но в конечном счёте к этому социум искусственно направляется и готовится уже не одно столетие. И из этого следует неумолимое ограничение жизни других в пользу малой группы "хозяев истории".

Итак, для того чтобы Земля стала уютной территорией для немногих, для господ жизни, программируется ограничение остальной жизни. Отсюда столь агрессивный пафос экологизма, когда охрана природы важнее, чем человеческие интересы, ведь это интересы тех миллиардов, которые "за забором". С регуляцией рождаемости то же самое: нас слишком много, Боливар не выдержит двоих, не выдержит тем более и 10 миллиардов. И, судя по мировой демографической статистике последних лет, эти силы уже преуспевают со своей "регуляцией". Отсюда и новейшие проекты цифрового контроля, и многие другие черты пресловутого "устойчивого развития", "великого обнуления" и т. д.

религиозный пафос. Тем не менее многие его продолжатели и наследники в эмиграции, и среди тех мыслителей, кто остался в СССР, как, например, Павел Флоренский, развивали эти идеи. Вернадский развивал их по-своему. Многие советские академики развивали темы негэнтропии, преодоления смерти.

Здесь надо сказать и о советской фантастике, которая дала блестящие образцы развития этих идей, начиная от человека-амфибии Беляева, заканчивая людами у Стругацких. Недожианный потенциал содержится в идеях "ноосферного коммунизма" Ивана Ефремова, который был при этом открыт древним духовным практикам, пытался их встроить в современное сознание и в футурологию. В теме трансформации человека в нашей фантастике можно усматривать и многие будущие черты трансгуманизма, но, как правило, — в качестве антиутопии.

В поздний советский период мы имеем целую плеяду разработок, связанных с психотехниками, психотехнологиями. Это работы генерала Савина при Генштабе, генерала Шама в КГБ, академика Казначеева в Новосибирском отделении Академии наук. Советский проект, несмотря на определённое сопротивление постепенно обуржуазившихся слоёв номенклатуры, давал возможность космистским началам и идеям прорасти в жизнь. Если бы не крушение СССР, возможно, многое просло бы, и многие инновации, которые тогда накопились, действительно позволили бы заметно изменить сегодняшний мир.

ВОЗНИКАЕТ вопрос о том, как с этим наследием нам поступать дальше и, безусловно, если мы не возьмёмся за русский космизм всерьёз, если мы не превратим его в своё организационное оружие, в интеллектуальное оружие, мы проиграем. У нас как у цивилизации без русского космизма недостаточный арсенал возможностей. Я не представляю себе Русскую цивилизацию XXI века как суверенную без философии и идеологии русского космизма — это залог нашего духовного, в первую очередь, суверенитета.

На фоне русского космизма те идеологии, которые в XIX веке боролись между собой, вырождаются и выглядят достаточно бессодержательными, подменяющими большие смыслы мелочными смыслами. В конечном счёте, становится более очевидным самообман той борьбы, которая была навязана широким массам людей и целым государствам.

Напротив, русский космизм воздвигает весьма высокую планку, содержит в себе своего рода предохранитель от деградации. На первый взгляд, может показаться, что в нём есть несбыточные мечты. Но дело в том, что сама эта высокая планка позволяет строить будущее, строить общество, строить новые поколения, вести человечество не к упадку и распаду, а к поиску и нахождению смысла жизни. Это вертикальный ориентир, который действительно позволяет человеку попытаться избежать той преисподней на Земле, в которую ведёт нас узкоутилитарный технический прогресс, ведут, в том числе, и трансгуманисты.

Канон Фёдорова труден для исполнения, но он, на мой взгляд, верен. Он связан с поиском выхода из исторических тупиков развития, в которые зашло человечество. И русский космизм в целом сделал большие шаги в этом направлении.

Говоря об идее замкнутого мира, сам Фёдоров так это и характеризовал, а именно: нужно "спасти жертв прогресса" от того ада, куда они сползают исторически. Фёдоров выступал не столько как реформатор христианства (как уже отмечалось выше, он был церковным ортодоксом), сколько как реформатор просвещенческих квази-церкви, культа прогресса Кондорсе, "Новой Атлантиды" Бэкона, философии Декарта — трёх базовых мыслителей Запада, которые заложили главные основания под доминирующее там понимание возможного в будущем бессмертия человека. Фёдоров призывал к другому, подлинному "прогрессу", синтезу науки и религии, новым Соборам, где учёные и носители верующего сознания соединились бы в общий вселенский разум. Прогресс у Фёдорова сопряжён с преобразованием самого человека, преобразованием "сына человеческого", как он его называл, беря эту формулу из Евангелия. Он обращал её в формулу связи с "отцами человечества", по которой человек воспринимает себя не как отдельного индивида, а как часть большого целого, как часть большого рода, который не должен уйти во тьму.

Виталий АВЕРЬЯНОВ

Иллюстрация: портрет русского космиста Николая Фёдорова. Художник Юрий Селивёрстов.

Продолжение — в № 35

ПАСХАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Часть первая. Взлёт по вертикали

всех нас. Поэтому Фёдоров и считал, что люди должны работать над этой темой, тогда как всё остальное в нашей жизни — второстепенно.

Суть русского космизма я бы свёл к двум основным тезисам. Первый тезис — это метафизика родства, потому что главная мысль там заключается не в развитии технологий, техники, инфраструктуры цивилизации. Скорее, наоборот, технократия — это опасный путь, она может оказаться путём в ад, часто таковым и оказывается. А космизм — путь к братству, путь к родомыслию, путь к тому, чтобы отцы и дети сумели воссоединиться в будущем, стать вновь обрётённым целым. Космос воспринимается как огромная семья. И Фёдоров определял своё "общее дело" как соработничество Богу.

Таким образом, космизм уже в своём истоке явился авангардным, футурологическим направлением, но одновременно и глубоко традиционалистским, можно даже сказать, "реакционным" в духовном плане. Потому что он хотел повернуть человека от его дикого желания отлепиться от неба и погрузиться в земные дела — к глубинным процессам, которые происходят в человеческом духе. А далее, оттуда уже может происходить что-то техническое. Технология не презирается, не отрицается, а ставится на положенное ей место.

Среди русских космистов есть люди разных взглядов, и есть мощная естественнoнаучная ветвь, в которой одну из первых ролей сыграл Владимир Вернадский. Космисты естественнонаучного типа тоже приняли принцип соработничества Богу, но у них он звучал как выход на самоуправление природы. Природа посредством человека наконец-то приходит в сознание, создаёт себя и начинает управлять собой разумно, перестаёт быть "слепой".

Второй главный тезис русского космизма — метафизика преодоления смерти. Смерть понимается как слепая стихия, враждебная жизни и человеку. Воскрешение, пасхальное начало, для Фёдорова было объективным законом истории, к которому человечество должно прийти. Это победа над злом и смертью, победа над тьмой не через её уничтожение, а через претворение её в свет.

Есть такая важная категория философии общего дела, как позитивное целомудрие. В христианской аскетике существует понятие целомудрия как воздержания, как способности обуздать собственные страсти, отсекал их на уровне помыслов, то есть в зародыше. Фёдоров называл это негативным целомудрием. Суть же позитивного целомудрия, как он полагал, в том, что родотворная эротическая энергия, которая переполняет человека, преобразуется в

он стал погребать своих умерших, поразила история Фёдорова и его дяди, смерть которого вызвала в молодом Николае глубинный метафизический протест, вослила в него мысль о противоестественности смерти и необходимости её отмены. Поразили многие нравственные максимы и наблюдения, чрезвычайно не сходные с тем, что обычно подаётся под видом морали или этики.

Тогда во мне просыпался вкус к философии. Поразительно, что впоследствии, хотя я увлеклся Платоном, Пифагором, русскими мыслителями и писателями, великими святыми отцами Церкви, — ничего подобного фёдоровскому "общему делу" я нигде не нашёл. Его уникальность, своеобразность навсегда запечатлелись в памяти, и когда я позднее находил его сочинения в их полном виде, это впечатление лишь подтверждалось.

НА ПЕРВЫЙ взгляд, перед читателем разворачивает бездны своего духа мечтательный безумец, старец со странным, "вывернутым" разумом. Но при углублении в этот дух оказывалось, что "безумец" не заблудился в каких-то неразрешимых вопросах, а смело и безоглядно в них погрузился, нашёл свои невероятные ответы на них, не настаивая на истинности своих ответов, но настойчиво требуя работать над решением этих вопросов. Оказывалось, что это был борец за величайшую истину, рыцарь смертоборчества, отрицающий напрочь любые компромиссы с миром обывательского плоскодушного смирения перед жизнью-смертью как она есть, перед мертвечиной в среде живых, перед подменами и обманами мира сего, который стремится выдать своих эталонных "покойников" за идеал преуспеяния, за секрет жизненного успеха.

Фёдоров в своё время писал в полемике со скептиками, что в проекте общего дела самое важное — сдвинуть сам вектор сознания и развития, а не заниматься критикой и проверкой реалистичности замысла. "Только сыновнее чувство, общее всем, даёт знанию цель, т. е. объединяет людей в познании силы, умиривляющей отцов, раскрывает их души, соединяет их во взаимознании и, делая братьями в самом глубочайшем смысле этого слова, ведёт их к возвращению жизни умершим..." Утверждать, что воскрешение совершится, не будем; но то уже верно, что если все не соединимся в деле воскрешения, в деле несомненно братском, то братьями не будем..."

Если этот сдвиг не осуществить, предупреждал Фёдоров, прогресс приведёт нас в мир анти-Пасхи, господства порнокрации, и человек сам станет не смертоборцем, а рыцарем и апостолом смерти, по сути, неживым существом. Параллель этой мысли — у современных трансгуманистов

Этот комплексный вызов напрямую связан с темой космоса, потому что субъекты этого вызова воспринимают Землю как замкнутый мир. Русские же космисты предложили другой путь, и это не просто мечта о том, что можно переселиться на отдалённые планеты. Эта идея потом развивалась у Вернадского, она развивалась и у советского мыслителя Забелина, говорившего, что самоуправление природными процессами связано с тем, что человечество перешло определённый предел как бы естественного существования на планете Земля. Поэтому становится понятно, что у человечества другая миссия, и эта миссия выше, чем просто пребывание на Земле в качестве одного из её биологических видов, пусть даже в качестве планетарного "царя всего живого". Отсюда проистекает стремление к управлению природой вообще и выходу в новые пространства.

Со стороны сил цивилизации потопов предлагается акосмическое сознание, противокосмическое сознание и даже хуже того: предлагается двучлиная карикатура на космизм, которая получила имя трансгуманизма. Мы в своей работе, вышедшей в книге "Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация" (2021), провели буквальное сравнение русского космизма и трансгуманизма. Итоги были весьма говорящими, тем более что внутри трансгуманизма есть масса вещей, напрямую позаимствованных у космистов. Из сравнения явствует, что он карикатура и каверзная работа со смыслами, потому что трансгуманизм практически целиком — исключений очень мало — построен на той же идейной базе, что и идеология устойчивого развития.

ИДЕОЛОГИЯ устойчивого развития восходит к той самой акосмической идее, которую можно образно представить так: мир — тесная комната, заставленная мебелью, да ещё и с закрытой дверью. Для того чтобы что-то изменить в этом мире, необходимо быть виртуозным мастером по передвигке мебели в переполненной комнате, где и миллиметра свободного нет. Поэтому, если ты хочешь что-то изменить к лучшему, ты можешь сделать это только за счёт кого-то другого, ущемив кого-то другого. Такова тесная комната глобализма. Впервые в этом ключе начал мыслить ещё Мальтус в XIX веке. Кстати, Фёдоров хорошо знал работы Мальтуса, и они придали своего рода толчок к выработке фёдоровской философии.

В середине XX века был дан зелёный свет неомальтузианским идеям, начиная от Хью Мура в 50-е годы прошлого века, затем Поля Эрлиха с его "Популяционной бомбой". Был создан Римский клуб, и уже к 80-м годам идеология устойчивого развития в научном сообществе была жёстко навязана и практически победила во всём мире, в том числе произошло это и в позднем Советском Союзе.

Под такой вроде бы благовидной личиной с формулой устойчивого развития ради блага будущих поколений фактически речь велась о торжестве акосмического паразитического сознания, о новом колониализме. Мы понимаем: когда говорят о нехватке ресурсов, о том, что необходимо регулировать и количество людей, и способ распределения материальных благ и возможностей на планете, за этим скрывается попытка сохранить нынешний уклад, нынешнего субъекта распределения, нынешнее господство.

Об этом свидетельствует индийский экономист Амартия Сен, который проанализировал историю Индии за 200 лет и показал, что регулярный массовый голод прекратился, как только Индия добила национальную независимость. Заметим, Индия не стала социалистической или коммунистической, оставшись буржуазной страной, — лишь избавилась от колониальной зависимости, от этого лукавого миропорядка, когда индийцы взяли страну в свои собственные руки.

То, к чему призывал Фёдоров, и идеи трансгуманистов — это фактически антиподы. Взять, к примеру, такое их течение как иммортализм (то есть бессмертие, отсутствие смерти). Иммортализм у трансгуманистов нацелен не на то, чтобы кого-то воскресить; он нацелен на то, чтобы избранную часть ныне живущего поколения сделать бессмертной — сначала через торможение процессов старения, затем омолаживание, искусственное продление жизни и т. д. В итоге эта избранная часть

сумеет попасть на счастливый "пароход будущего". Она со всеми её нынешними пристрастиями, со всеми её пороками, со всеми её гадостями станет своеобразными "небожителями" на земле, такими "античными богами", никогда не умирающими, но уже и не рождающимися, потому что им это не нужно.

Мы видим здесь самую настоящую пародию на Фёдорова, которую даже трудно было себе вообразить. Он предлагал воскрешать грешных отцов, как бы обращаясь к ним с любовью, искупая их грехи милосердием. И мотивировано это тем, что дети любят своих отцов, — вот в чём пафос Фёдорова. Здесь же приходится совершенно противоположное: поколение, получающее волшебную таблетку, алхимический эликсир бессмертия, отсекает себя от всех поколений, которые были до них, и также они отсекает себя от будущих поколений, потому что уже не надо рожать детей, они не хотят их рожать, они хотят жить в своё удовольствие.

Воскрешение отцов — это воскрешение и грешных, и праведных. Великая несправедливость — отсечь их, древних мучеников, страдальцев, отчасти и праведников, от вечной жизни, а самим нам, какие мы есть, начать жить бесконечно вместо них и за них. Острое ощущение несправедливости такого будущего лежит в основании русского космизма. И эта несправедливость напрочь не осознаётся, не ощущается западными трансгуманистами, которые попросту глухи к подобной метафизике совести. Кто не успел в "светлое бессмертие" — тому не повезло. Вот и вся их протодушная логика.

ТРАНСГУМАНИСТЫ взяли у Вернадского многие идеи, связанные с ноосферой. Возникло целое направление гайанизма. И если мы почитаем главного автора этого направления Джеймса Лавлока, то вдруг выясним, что у него совершенно противоположный взгляд. Вернадский говорил, что человечество в процессе своего развития должно стать преобразующей силой, геологической силой, способствующей эволюции биосферы, то есть человечество должно возглавить развитие биосферы, превращая её в ноосферу. А Джеймс Лавлок считает, что Гей (Земля, отсюда термин гайанизм) самоценна, и она не может быть подчинена человеку. Гей существует несколько миллиардов лет, это бесконечно сложная система, накопленная мудрость циклического многоуровневого эволюционного процесса. Поэтому любые биологические виды так называемых выскочек, в конце концов, будут уничтожены. Соответственно, человек тоже будет уничтожен, потому что Гей мудрее, мощнее его. Вот как можно было извратить Вернадского, и во что можно было превратить учение о ноосфере! Опять же, они, может быть, считают, что для них будет сделано исключение, и Земля их не уничтожит, они, вот эти маленькие бессмертные меньшинство жрецов Геи, останутся. Но факт остаётся фактом.

Может быть, К.Э. Циолковский даёт больше поводов говорить о близости космизма к трансгуманизму? Однако Циолковский был абсолютно противоположен мальтузианству, идеям "устойчивого развития", агрессивной "зелёной повестке". Циолковский много говорил о счастье человека как цели космизма, имея в виду его творческую самореализацию. У трансгуманистов же эта тема разрабатывается в направлении, носящем имя аболиционизма. В его манифестах утверждается, что человека можно сделать счастливым за счёт определённых психологических, психотерапевтических и медикаментозных методов. Человек несчастлив, но мы дадим ему таблеточку, подвергнем его некоторым тренингам — и он будет себя чувствовать "счастливым" (это очень важная поправка: не будет счастливым, а будет чувствовать себя счастливым, ему станет психологически комфортно!). Опять же, мы видим вновь, что в трансгуманизме всё в высшей степени окариатурено.

Советский Союз дал свой невероятный проект рецепции космизма в космонавтике. Безусловно, это была узкая, частная рецепция, но она была блистательная, доказательная. При этом, конечно, советское мировоззрение, мироощущение восприняло многие интенции космистов, но оно было стеснено в том, чтобы воспринимать, скажем, идеи Фёдорова напрямую. Ведь у Фёдорова присутствует метафизический,

Томас Пэлли в статье "Война на Украине и усиливающийся "марш безумия" в Европе" напоминает: "Большая ложь" — это идея, выдуманная Адольфом Гитлером в "Майн кампф" (запрещённый в РФ экстремистский материал. — Ред.). Идея заключается в том, что если постоянно внедрять в массовое сознание грубое искажение фактов, связанное с распространёнными предрассудками, то в конечном итоге в это поверят, как в истину. "Большая ложь" была доведена до совершенства нацистским пропагандистом Йозефом Геббельсом. Однако многие общества в той или иной степени пользуются ею, а европейский политический истеблишмент широко использовал её в самом буквальном смысле для пропаганды нынешнего "марша безумия".

А Дмитрий Зеленцов в работе "Медийская война" пишет: "В последнее время — минимум на протяжении последней четверти века — американские фабрики мысли, тесно связанные с военно-разведывательным сообществом, разрабатывают различные элементы когнитивного оружия. Оружия, которое направлено, в первую очередь, на изменение человеческого восприятия и формирование новой — альтернативной — реальности, реальность, которая служит интересам манипуляторов и кукловодов. Вполне естественно, что в поле внимания стратегов когнитивной войны попал и такой феномен, как мемы".

Рубрика "Библиотекарь" представляет новые книги митрополита Тихона Шевкунова "Твое воскресение", Елены Лариной и Владимира Овчинского "Искусственный интеллект: на войне, в разведке, в борьбе с криминалом", Сергея и Юлии Черняховских "Империю и суверенитет: наследие мотивирующих образов".

В рубрике "Стихия" представлена поэзия Михаила Кильдяшова.

Справки по телефону 8 (985) 256 91 24